
БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-44-54

EDN: EADLJM

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ СЕТИ “ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДА” В 2020-е ГОДЫ: НОВЫЕ ФОРМЫ, ЛОКАЦИИ И ВЫЗОВЫ

© 2025 г. А.Э. Яшлавский

ЯШЛАВСКИЙ Андрей Эдуардович, кандидат политических наук,
ORCID 0000-0001-6112-3176, dosier@mail.ru
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23.

Статья поступила 30.10.2024. После доработки 24.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Несмотря на тяжелый урон, нанесенный в 2010–2020-е годы транснациональным джихадистским террористическим сетям, экстремистские группировки, выступающие под знаменами “глобального джихада” (прежде всего “Исламское государство”¹ и “Аль-Каида”²), не только выжили, но и демонстрируют способность адаптироваться к новым условиям и по-прежнему представляют огромную опасность на разных уровнях в различных частях света. Террористические сети временно отошли в тень, пытаясь перегруппировать свои силы и найти новые поля и возможности для своей экстремистской деятельности. Характерной чертой современных транснациональных сетей исламистского толка является расширение географии, прежде всего за счет стран Африки. В статье рассматривается также влияние войны в секторе Газа на деятельность транснациональных джихадистских сетей.

Ключевые слова: исламизм, джихадизм, экстремизм, терроризм, “Исламское государство”, ИГИЛ, ИГ, “Аль-Каида”, глокализм, сектор Газа, “Хорасан”.

TERRORIST NETWORKS OF THE “GLOBAL JIHAD” IN THE 2020s: NEW FORMS, LOCATIONS AND CHALLENGES

Andrey E. YASHLAVSKY,
ORCID 0000-0001-6112-3176, dosier@mail.ru
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
(IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Received 30.10.2024. Revised 24.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Abstract. Despite the heavy damage inflicted on transnational jihadist terrorist networks in the 2010s and 2020s, extremist groups acting under the banner of “global jihad” (primarily the Islamic State and Al-Qaeda) have not only survived, but also demonstrate the ability to adapt to new conditions and still pose a huge threat at different levels in various parts of the world. Terrorist networks have temporarily retreated into the shadows, trying to regroup their forces and find new fields and opportunities for their extremist activities. There are reasons to fear that we may be talking about the “calm before the storm”. A characteristic feature of modern transnational Islamist networks is the expansion of geography, primarily at the expense of African countries. Also, the “Afghan branch” of the Islamic State group (ISKP), which is not limited to the territories of Afghanistan and the countries bordering it, is showing special operational and propaganda activity. The expansion of the geography of terrorist networks is reflected in the evolution of their internal structure (which is especially evident in the example of the development of the management system of the “branches” of the IS network). The article also examines the impact of the war in the Gaza Strip on the activities of transnational jihadist networks. The author concludes that as long as the causes contributing to the growth of religiously motivated extremism and terrorism remain, global jihadist networks will continue to exist using various forms of hybrid warfare (terrorist acts, sabotage and guerrilla activities, seizure of territories for more or less long periods, propaganda war, recruitment activities, undermining public peace, etc.). It is also logical to assume that transnational Islamist terrorist networks will continue to skillfully combine their global ambitions with a purely local agenda, which poses a threat to a number of specific regions. And an equally alarming sign is the ability of adherents of the “global jihad” to use international conflicts for their own purposes.

Keywords: Islamism, jihadism, extremism, terrorism, Islamic State, ISIS, IS, Al-Qaeda, glocalism, Gaza war, ISKP.

About author:

Andrey E. YASHLAVSKY, Cand. Sci. (Polit.), Leading Researcher.

¹ “Исламское государство” (ИГ, ИГИЛ) – запрещенная в РФ террористическая организация.

² Запрещенная в РФ террористическая организация.

ВВЕДЕНИЕ

Мощные поражения, нанесенные в конце 2010-х годов в ряде регионов мира крупнейшим террористическим исламистским группировкам, претендующим на роль носителей идей “глобального джихада”, а также ряд обозначившихся в начале 2020-х годов острых конфликтов на политической карте мира (украинский кризис, война в секторе Газа и др.) в значительной мере способствовали потере транснациональными джихадистскими сетями репутации “врага № 1” мирового сообщества. Однако, если в немалой степени преувеличенный средствами массовой информации в предшествовавшие десятилетия зловещий имидж таких группировок, как “Исламское государство (ИГ) и “Аль-Каида”, значительно поблек, то реальная опасность, представляемая ими, по-прежнему существует, распространяясь по миру.

Действительно последние годы оказались трудными для центрального руководства этих тяжеловесов джихадистского движения. ИГ практически утратило не только свои территориальные приобретения на Ближнем Востоке, но и целый ряд уничтоженных один за другим за весьма короткий период лидеров, столкнувшись к тому же с финансовыми проблемами. В то же время “Аль-Каида” уже почти два десятилетия не совершала крупных терактов на Западе, а в июле 2022 г. лишилась своего лидера Аймана аль-Завахири, ликвидированного в результате американского удара в Афганистане [1, р. 1]. Однако связанные с этими двумя транснациональными джихадистскими сетями группировки, действующие в Африке, добиваются определенных успехов, особенно в регионе Сахеля. Более того, как отмечается в докладе Генерального секретаря ООН, террористические сети и их филиалы сохранили способность совершать террористические акты и представлять угрозу за пределами своих традиционных районов операций. К тому же сохранился риск возрождения ИГ в Ираке и Сирии, где террористы имеют возможность совершать асимметричные нападения, а деятельность ответвлений этой организации способствует ухудшению ситуации в ряде регионов, в частности в некоторых районах Западной Африки и Сахеля [ист. 1, с. 21].

ЗАТИШЬЕ ПЕРЕД БУРЕЙ?

Активность террористических джихадистских транснациональных сетей находится в по-

стоянном режиме трансформации, приспосабливаясь к постоянно меняющимся условиям. Потеря “Исламским государством” огромных территорий в Сирии и Ираке, контролировавшихся самозванным “халифатом” в 2010-е годы, ликвидация лидеров этой группировки, а также главарей конкурирующей с ИГ “Аль-Каиды”, безусловно, сыграли роль в ослаблении этих организаций, однако ни в коем случае не означали их полного поражения и ликвидации. Есть все основания считать, что террористические сети не сошли со сцены, а до поры до времени отошли в тень, пытаясь перегруппировать силы и найти новые поля и возможности для экстремистской деятельности. Как точно заметил американский специалист по джихадизму А. Зелин, “затишье” между мобилизациями джихадистов не следует считать прекращением борьбы [2]. В известном смысле есть основания опасаться, что речь может идти о затишье перед бурей.

Более того, как констатируется в *Global Terrorism Index 2024*, в 2023 г. число смертей в результате террористических актов достигло самого высокого уровня с 2017 г., хотя и оставалось на 23% ниже, чем на пике в 2015 г. [ист. 2, р. 2]. При этом самыми смертоносными группировками в мире в начале 2020-х годов были признаны “Исламское государство” и его филиалы, а также аффилированная с “Аль-Каидой” и действующая в Западной и Северной Африке группировка “Джамаат Нусрат аль-Ислам валь Муслимин” (*JNIM*)³ и др.

Но несмотря на то что влияние ИГ на протяжении последних лет снижалось, эта джихадистская сеть (вместе с родственными ей локальными группировками) остается самой опасной террористической организацией, на счету которой наибольшее число нападений и смертей в результате терактов [ист. 2, р. 2]. С другой стороны, число смертей, связанных с ИГ и ее филиалами – “ИГ в провинции Хорасан”, “ИГ в провинции Синай”, “ИГ в Сахеле” и “Исламским государством Западной Африки”, – за 2023 г. сократилось на 17%, нападения были совершены в 20 странах по сравнению с 30 странами в 2020 г. Однако эти статистические данные никоим образом не свидетельствуют об уменьшении террористической опасности со стороны упомянутых выше группировок.

³ Запрещенная в РФ террористическая организация.

С тех пор как ИГ присвоило себе сомнительные “лавры” самой важной глобальной джихадистской организации, большая часть международной сети “Аль-Каида” пришла в упадок. За последнее десятилетие ее филиалы в Ираке, Сирии и Йемене либо откололись от “материнской” группировки, либо серьезно деградировали. На местном уровне отделение “Аль-Каиды” “Аш-Шабаб” продолжает вести активную деятельность в Сомали, в то время как группировка *JNIM* добилась успехов по всему Сахельскому региону. Однако на этом фоне “Аль-Каида” не смогла спровоцировать новую волну террористических атак на Западе. За этот период связанным с ней группам удалось провести лишь несколько громких операций (например, нападение на *Charlie Hebdo* в 2015 г.), но они были единичными по сравнению с внешними операциями ИГ [3]. Из этого ни в коем случае нельзя делать вывод, что “Аль-Каида” перестала быть источником опасности. Ее новое руководство, возглавившее группировку после ликвидации прежнего лидера А. аз-Завахири, ищет новые формы экстремистской деятельности (как таковой) и привлечения к ней свежих сил.

В частности, в докладе ООН, подготовленном на основе материалов разведывательных служб по всему миру, в феврале 2024 г. содержалось предупреждение о том, что по крайней мере один крупный филиал “Аль-Каиды” планирует масштабные операции на Ближнем Востоке и в других местах и “значительно активизировал свою стратегию и контент в средствах массовой информации, используя международные события, включая нападения 7 октября, для подстрекательства акторов-одиночек по всему миру” [4].

ГЕОГРАФИЯ ТЕРРОРА

Заметным явлением стало и географическое смещение активности джихадистских террористов с Ближнего Востока, главным образом в страны Африки (причем не только в регион Сахеля и Северную Африку, но и страны Центральной Африки), причем большая часть смертей в результате терактов в 2023 г. была зафиксирована в африканских странах к югу от Сахары [ист. 2, р. 29].

С начала 2020-х годов деятельность джихадистских боевиков привела к возникновению предпосылок для превращения Африканского континента в новый главный источник религи-

озного радикализма. По данным ООН на первое полугодие 2021 г., Африка стала наиболее пострадавшим от терроризма джихадистов регионом мира [5]. Террористические действия исламистских группировок там за последние годы расширились и вглубь, и вширь, охватывая все новые страны, продвигаясь из североафриканских арабских государств все дальше на юг.

К 2023 г. за предшествовавшие 15 лет масштабы терроризма в Сахеле резко возросли: число погибших за этот период увеличилось на 2860%, а число террористических инцидентов – на 1266% [ист. 2, р. 3]. Растет и агитационно-пропагандистская деятельность экстремистов на Африканском континенте. По свидетельству заместителя специального посланника Глобальной коалиции по борьбе с ИГИЛ И.Дж. Маккари, примерно 60% игиловской пропаганды поступает из стран Африки к югу от Сахары, от филиалов ИГ в Нигерии, Демократической Республике Конго и Мозамбике [6].

Пользуясь многочисленными социально-экономическими трудностями африканских государств, существующими давними и возникающими новыми локальными и региональными конфликтами, а также “прозрачностью” межгосударственных границ, вакуумом власти в отдельных регионах, экстремистские группировки не только постоянно прибегают к насилию, но и активно используют население как в качестве боевиков, так и в виде социальной базы поддержки. При этом тревожным фактором становится фактическое срашивание исламистских группировок с трансграничной оргпреступностью [7, с. 69]. На фоне того, что на Черном континente бесчинствуют группировки, связанные с обеими глобальными джихадистскими террористическими сетями – и с “Аль-Каидой”, и с ИГ, ряд ученых рассматривает Африку уже не просто как еще один центр притяжения этих сетей, но, может быть, и как новый глобальный эпицентр джихадистского терроризма [5].

Очевидно, что в продолжающейся на протяжении последнего десятилетия острой конкуренции на джихадистском поле двух транснациональных глобальных сетей (ИГ и “Аль-Каиды”) первенство принадлежит “Исламскому государству”. При этом “Аль-Каида” по-прежнему присутствует как террористический игрок, но главным образом через аффилированные с ней локальные группировки. Продолжая во многом,

как представляется, по инерции декларировать глобальную повестку, выступая с нарративами “глобального джихада”, фактически они сосредоточены на локальных конфликтах, действуя активнее всего в странах Африки [ист. 2, р. 55]. Однако такая тенденция вовсе не означает, что глобальная тематика оказалась сейчас неактуальной для сторонников “Аль-Каиды”. Разгоревшаяся после событий 7 октября 2023 г. новая фаза ближневосточного конфликта (война в секторе Газа, распространившаяся впоследствии на Ливан, и др.) стала триггером для появления признаков усиления активности боевиков “Исламского государства” и “Аль-Каиды” как на Ближнем Востоке, так и в других регионах.

В качестве специфической характеристики ИГ, отличающей его от другой террористической сети – “Аль-Каиды” (действующей как децентрализованная сеть филиалов), А. Зелин выделяет наличие “Главного управления провинций” (*Idarat al-'Ammat al-Wilayat*), которое ранее базировалось в Сирии, но впоследствии, предположительно, переместилось в Сомали. Этот орган обеспечивает гораздо больше взаимодействия и связей между различными “вилаятами” (“провинциями”) ИГ, чем в прошлом.

Во многих отношениях, подчеркивает А. Зелин, ключевые аспекты, которые характеризуют ИГ как организацию (управление, мобилизация иностранных боевиков и внешние операции), остаются неизменными, просто группировка перешла от базирования за пределами Ирака и Сирии к распространению по всей глобальной сети провинций, что, по мнению политолога, в некотором смысле объясняет большую устойчивость ИГ к давлению, чем раньше [2].

“Главное управление провинций” ИГ самым тесным образом связано с созданным ранее так называемым Управлением отдаленными провинциями (УОП) [8, р. 20]. В какой-то момент в ходе эволюции ИГ структура УОП начала меняться (возникли, в частности, новые “вилайты”), основная реструктуризация была проведена с созданием ряда региональных отделений, вероятно, весной 2019 г. С быстрым расширением новых “провинций” структура региональных отделений позволила центральным институтам ИГ гораздо эффективнее управлять своими глобальными провинциями и поддерживать связь с ними [8, р. 21]. Как предполагает исследователь Т. Хамминг, в рамках этой реструктуризации

даже “провинции” ИГ в Сирии и Ираке также перешли под власть УОП, после чего структура была переименована в “Главное управление провинций” [8, р. 22]. Центральным элементом отношений между “провинциями” ИГ и управляющей структурой является обязательство “вилаятов” отправлять ежемесячные отчеты о текущей военной ситуации в их соответствующем регионе и, в свою очередь, получать рекомендации относительно будущей стратегии и тактики [8, р. 23].

Как утверждает А. Зелин, «сегодня у ИГ есть многоцелевая стратегия борьбы со своими врагами, и эта стратегия координируется через Главное управление провинций – у отдельных “провинций” нет независимых стратегий» [9].

ИГИЛ располагает также двумя отдельными организационными структурами – для Ирака и для Сирии, причем в сирийском случае вопросами управления занимается отделение главного директората провинций, известное как “отделение Шам”. Операционный центр ИГ в Турции (“отделение Фарук”), который управлял сетями, действующими на Кавказе, в других регионах России и некоторых частях Восточной Европы, предположительно прекратил свою деятельность из-за арестов, произведенных турецкими властями [ист. 3, с. 2].

По информации ООН, наиболее активными и прочно закрепившимися региональными сетями ИГ являются сети с центрами в Афганистане (“отделение Сиддик”), Сомали (“отделение Каррап”) и бассейне озера Чад (“отделение Фуркан”). “Отделение Сиддик” отвечает за Южную и Центральную Азию. В сферу ведения “отделения Каррап” входят Демократическая Республика Конго, Мозамбик и Сомали. Сфера ведения “отделения Фуркан” охватывает Нигерию и соседние с ней страны, а также связанную с ИГ группировку “Исламское государство в Большой Сахаре” на западе Сахеля. Остальные три региональные сети ИГ считаются “низкофункциональными” или находятся в плачевном состоянии (базирующееся в Ливии “отделение Анфаль” было создано для работы в определенных частях северной Африки и Сахеля; “отделение Умм-аль-Кура” в Йемене осуществляет деятельность на Аравийском полуострове; а “отделение Зу аль-Нурайн”, базирующееся в Египте, охватывает, помимо этой страны, еще и Судан) [ист. 3, с. 2].

ОПАСНОСТЬ “ХОРАСАНСКОГО ПРОЕКТА”

Особый медийный эффект в последние годы производит деятельность базирующейся в Афганистане и Пакистане (в регионе, именуемом Аф–Пак) группировки “ИГ-провинция Хорасан” (ИГХ), на которую следует обратить отдельное внимание. После вывода из Афганистана американских и иных иностранных войск эта джихадистская группировка пережила своеобразный “ренессанс”, воспользовавшись для пополнения своих рядов слабыми способностями новых властей страны к государственному управлению, а также нарастающим здесь социально-экономическим и гуманитарным кризисом. По данным ООН, вскоре после августа 2021 г. число боевых сторонников “ИГ-провинция Хорасан” почти удвоилось [10, с. 59].

Хотя изначально этот филиал ИГ был нацелен на попытки установить контроль над территорией Афганистана, его образ действий все больше указывает на намерения осуществлять транснациональные атаки.

В начале 2022 г. “хорасанское” крыло “ИГ-провинция Хорасан” заявило о новой эре глобального джихада. В последующие месяцы ее сторонники не только расширили свою пропагандистскую деятельность за Амударьею в Узбекистане и Таджикистане, но и атаковали российское посольство в Кабуле, ликвидировали нескольких ведущих чиновников и идеологов движения “Талибан”⁴ и осуществляли насилие против гражданского населения в Пакистане и Афганистане [11].

ИГХ не является повстанческим движением, стремящимся к территориальным завоеваниям, напротив, оно представляет собой трансрегиональное подразделение “Исламского государства”, которое твердо намерено распространить свое идеологическое, стратегическое и тактическое влияние не только на “номинально подведомственную” ему территорию, но и на окружающие регионы [11]. В стратегическом плане двойственность организационной структуры, представленной местными экстремистами, с одной стороны, и иностранными выходцами, с другой, обеспечивала ИГХ устойчивость, способность к выживанию и быстрой адаптации [11].

⁴ Решением Верховного Суда РФ от 14 февраля 2003 г. признано террористической организацией, деятельность запрещена на территории РФ.

Как отмечает польский исследователь К. Страхота, в идеологической сфере ИГХ строго придерживается линии, установленной центральным руководством ИГИЛ, поддерживая создание и расширение “глобального халифата”, который должен управляться в соответствии с радикально-салафитскими правилами и участвовать в “глобальном джихаде” против врагов “чистого ислама”, к которым фактически относятся все государства, включая страны западного мира, в первую очередь США, Россия, Иран и т. д. [12, pp. 1-2].

Еще одним фактором, способствующим росту интереса ИГХ к террористическим операциям за пределами региона Аф–Пак, может быть значительное снижение потенциала этой группировки после возвращения талибов к власти в Афганистане в 2021 г., а дестабилизация на Ближнем Востоке, последовавшая за конфликтом в секторе Газа (октябрь 2023 г.), по-видимому, придала дополнительный импульс этому сдвигу [12, p. 3].

Если прежнее развитие событий вынуждало ИГХ искать поддержку и укреплять свои позиции за пределами Афганистана, то позднее ситуация в мире изменилась – возникла перспектива для целенаправленной мобилизации этой группировкой исламских радикалов и их последователей и спонсоров в различных странах. Как следствие, констатирует К. Страхота, было зафиксировано возрождение ИГ за рубежом (в виде террористических атак) [12, p. 3].

В частности, в 2024 г. именно “хорасанскому” отделению ИГ приписываются организация кровавого теракта в Кермане (Иран) 3 января, когда отмечалась годовщина смерти генерала Касема Сuleймани (погибли 94 человека); нападение на католическую церковь в Стамбуле 28 января (погиб один человек); а также теракт в подмосковном “Крокус Сити Холле” в марте (погибли 145 человек). Как отмечают западные эксперты по терроризму, последовательно борющаяся с салафитскими джихадистами Россия и шиитский Иран уже давно стали частью нарратива ИГ о противниках “Исламского государства” [13, p. 2]. А “дерзкое нападение в Москве, наряду с атаками в Иране и другими зарубежными заговорами, знаменует собой поворотный момент в эволюции ИГХ, не только демонстрируя ее способность наносить удары в самое сердце крупных региональных и глобальных держав, но и означая переход к другой стадии повстанческой модели

Исламского государства. Теракт в Москве еще больше усилил обеспокоенность официальных лиц США по поводу угрозы аналогичных террористических атак на Западе, будь то инспирированных или скоординированных” [13, р. 2]

Хотя тон в организации внешних террористических акций под эгидой ИГ задает ИГХ, другие вилайты “Исламского государства” также активизировали свои внешние операции и координируют их. К ним следует, в частности, отнести массовую расправу над шиитами в Омане 15 июля 2024 г., которая считается первым нападением джихадистов в истории этой страны. Предположительно теракт был устроен йеменским ответвлением ИГ [9]. В первой половине 2024 г. было зафиксировано 8 внешних заговоров и атак ИГ, связанных не с “хорасанским проектом”, а с “провинциями” ИГ в Ираке, Сирии, Сомали, Турции и Пакистане, и 17 – с ИГХ.

Действительно ряд представителей западных силовых структур не раз выражал тревогу о том, что отдельные лица или небольшие группы будут черпать извращенное вдохновение из событий на Ближнем Востоке для совершения нападений в странах Европы и Северной Америки. Подобная озабоченность имеет под собой почву – сообщения об арестах связанных с ИГХ экстремистов в Турции (апрель 2024 г.), а также предъявление в Германии обвинений семи лицам, включая пятерых выходцев из Таджикистана, за планирование нападений в ФРГ и в других местах Европы [13, р. 2].

Особая опасность ИГХ состоит в осознании этой группировкой важности проведения пропагандистской кампании. Уже с конца 2021 г. стало заметно возобновление пропаганды, ориентированной на постсоветскую Центральную Азию. В надежде усилить свою привлекательность в глазах потенциальных новых сторонников в этом регионе группировка готовит оригинальные пропагандистские материалы на таджикском и узбекском языках, а также переводит на эти языки официальные материалы как собственно ИГХ, так и “центрального” ИГИЛ [14, с. 110]. Примечательно, что надписи на пропагандистских продуктах сделаны кириллицей (таджикской) и латиницей (узбекской), которые используются в соответствующих странах, что указывает на то, что продукция предназначалась для граждан Узбекистана и Таджикистана, а не для таджикскоязычных общин в Афганистане, которые используют арабскую графику [13, р. 7].

Тревожным фактором является и то, что агитационная деятельность нацелена не только и не столько на дестабилизацию ситуации в постсоветских центральноазиатских государствах, сколько на использование выходцев из них для осуществления экстремистской и террористической деятельности в странах за пределами Центральной Азии.

В частности, с угрозами безопасности со стороны центральноазиатских салафитско-джихадистских группировок, связанных с ИГ и “Аль-Каидой”, столкнулась Турция. Одним из громких нападений на турецкой территории стал теракт против католической церкви Санта-Мария в стамбульском районе Сарылер во время воскресного богослужения 28 января 2024 г. За нападение, в результате которого погиб один прихожанин и был ранен другой, взяло на себя ответственность ИГ, заявив, что оно было совершено в рамках новой глобальной кампании под названием “И убивай их, где бы ты их ни нашел”, которая нацелена конкретно на евреев, “крепостоносцев” и их предполагаемых союзников-преступников в ответ на военные действия Израиля в Газе. Как утверждается, в теракте непосредственное участие приняли члены группировки “Исламское государство провинции Хорасан” [15].

Благодаря языковой, религиозной и культурной общности сторонники ИГ и “Аль-Каиды” из республик Центральной Азии часто могут обходить фильтры безопасности как в странах тюркского мира, так и в России. Участие выходцев из постсоветского пространства в терактах на территории Турции – это феномен, который существует уже давно. Достаточно вспомнить теракт в аэропорту имени Ататюрка в Стамбуле 28 июня 2016 г., в котором боевиками “Исламского государства” оказались выходцы из Киргизстана, Узбекистана и Дагестана, прибывшие в Турцию из контролировавшихся ИГ районов Сирии [15].

За последние годы службами безопасности в Европе было раскрыто несколько заговоров, в которых участвовали граждане стран Центральной Азии. При этом ИГХ стремится мобилизовать и представителей мусульманских общин на Западе и обеспечить руководство экстремистскими элементами в дистанционном режиме, используя крупные международные события и инциденты для обострения антагонизма между западными обществами и их мусульманским на-

селением [13, р. 9]. К таким событиям, в частности, относятся случаи осквернения Корана в Европе, война в секторе Газа. “Хорасанский” филиал ИГ неоднократно распространял призывы к мусульманам отомстить за эти события.

Целый ряд примеров сорванных европейскими спецслужбами террористических актов в конце 2023 – начале 2024 г. подчеркивает серьезный риск, связанный со способностью ИГХ вдохновлять и дистанционно координировать нападения, а также вербовать сторонников из сообществ за границей. Стратегия нацеливания на общины диаспоры для подстрекательства к атакам на Западе – тактика, характерная для ИГ, – стала особенно очевидной после теракта в “Крокус Сити Холле” в марте 2024 г. [13, р. 9]. Исполнители кровавого нападения на мирных граждан в подмосковном концертном зале, как установили российские спецслужбы, были завербованы членами ИГХ, которые цепенаправленно “работали” с представителями таджикской диаспоры в России через интернет, физически находясь в Афганистане [ист. 4].

Как подчеркнул директор ФСБ России А. Бортников, выступая в октябре 2024 г. в Астане на 55-м заседании Совета руководителей органов безопасности и специальных служб государств – участников СНГ, радикалы, проникающие в РФ в миграционных потоках, служат благоприятной вербовочной средой для международных террористических организаций [ист. 5], к каковым, без сомнения, относится ИГ с его региональными ответвлениями, включая и “хорасанский филиал”.

Внешние операции ИГ, полагает А. Зелин, являются в глобальном смысле частью единого целого, а не отдельными действиями, как это было ранее. Прошли те времена, когда ИГ организовывало заговоры за границей только из Ирака и Сирии (и в меньшей степени из Ливии). Сейчас “Главное управление провинций” помогает координировать кампанию по внешним операциям в своих различных подразделениях. Такая стратегия повышает устойчивость ИГ в целом, поскольку сеть может продолжать действовать в разных странах, даже если те или иные подразделения столкнутся с отдельными правоохранительными или военными проблемами [9].

Помимо причинения физического и материального ущерба своим противникам, джихадистские вдохновители террористических нападений, несомненно, рассматривают теракты как факто-

ры, дестабилизирующие ситуацию в странах, которые становятся объектами жестоких атак.

Участие в терактах людей с мигрантским бэкграундом служит мощным катализатором для ксенофобских, антииммигантских и антимусульманских настроений в обществах, в частности в Европе, что подрывает гражданский мир. Сказанное, на наш взгляд, можно отнести и к попыткам террористов вести войну против России. В этой связи неудивительно, что идеологи “глобального джихада” смещают фокус прежде всего на попытки завоевывать умы и сердца людей, используя изощренные методы пропаганды, прежде всего огромные возможности “Всемирной паутины”. Социальные сети и мессенджеры для обмена сообщениями стали для террористических организаций жизненно важным инструментом вербовки, позволяющим им распространять свою пропаганду и привлекать новых сторонников [16, с. 652].

Как отметил в октябре 2024 г. в ходе заседания Национального антитеррористического комитета директор ФСБ России А. Бортников, международные террористические организации усиливают пропагандистское воздействие на население российских регионов (в частности, Северного Кавказа) с использованием религиозного фактора, наращивая интенсивность распространения нетрадиционных для России течений ислама радикального толка. В этих целях сторонники экстремистских идей активно используют как неофициальные места отправления культа и некоторые религиозные образовательные организации, так и интернет [ист. 6].

При этом необходимо иметь в виду, что только пропагандистскими целями присутствие джихадистов во Всемирной паутине не ограничивается, оно включает в себя ряд направлений: управление финансовыми потоками; организацию кибератак и других акций в цифровом пространстве; разведку по открытым источникам и координацию действий и – само собой – агитационно-вербовочную работу, а также медийное освещение своей деятельности [17, с. 161].

ДОЛГОЕ ЭХО БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА

Безусловно, немаловажным фактором, усиливающим угрозу со стороны джихадистских экстремистов (угрозу даже для стран, находя-

шихся далеко от традиционного ареала мусульманского мира), становятся события на Ближнем Востоке. Давний конфликт приобрел новое значение после событий 7 октября 2023 г. и спровоцированной ими войны Израиля против сектора Газа, перекинувшейся далеко за пределы этой палестинской территории. Эхом ближневосточного конфликта стал рост террористических и экстремистских угроз в странах Запада (и не только там).

Следует заметить, что проповедующие идеи “глобального джихада” транснациональные сети, как правило, дистанцируются от израильско-палестинского противостояния, и вспыхнувшая в октябре 2023 г. война в Газе в этом смысле исключением не стала.

Несмотря на то что и “Аль-Каида”, и ИГ используют проблему Палестины в своей риторике, она никогда по-настоящему не занимала центральное место в повестке дня этих группировок. Отчасти этот феномен объясняется их ослабленным состоянием, отчасти – особенностями стратегических построений. В частности, “Аль-Каида” всегда концентрировала свои усилия на борьбе с “дальним врагом” (странами Запада в широком понимании). Что касается ИГ, то эта организация была более сосредоточена на создании “халифата”, а затем на выживании и перегруппировке своих сил и ресурсов. При этом пользующееся большой поддержкой в секторе Газа палестинское движение ХАМАС с точки зрения транснациональных джихадистских сетей оказалось “скомпрометировано” своей ориентацией на националистические, а не глобальные цели, а также участием в демократических процессах (в частности, в выборах на территории Палестинской автономии). Более того, ИГ, например, обвиняет ХАМАС и другие противостоящие Израилю группировки чуть ли не в “вероотступничестве” [18].

Тем не менее суннитские джихадистские группировки используют войну в Газе как мобилизующий фактор, с одной стороны, для привлечения новых участников джихада из числа проживающих в западных странах мусульман, а с другой – для поощрения к совершению террористических актов, которые даже если и не приводят к многочисленным жертвам и разрушениям, сами по себе играют на руку экстремистам, создавая примеры для подражания, углубляя противоречия внутри обществ и “раскачивая” ситуацию.

Так, группировка ИГ взяла на себя ответственность за убийство в октябре 2023 г. в Бельгии выходцем из Туниса двух шведских футбольных болельщиков, а конкурирующая с ИГ “Аль-Каида” в ноябре 2023 г. выступила с призывом к атакам против Израиля, Европы и США по всему миру. В мае 2024 г. “главное командование” этой террористической сети выпустило еще одно заявление, в котором одобряются нападения на “сионистов” и “неверных” в ответ на войну в секторе Газа [19].

Как отмечает известный сингапурский исследователь терроризма Р. Гунаратна, “Аль-Каида” продемонстрировала свою ловкость, быстро воспользовавшись нападением ХАМАС 7 октября 2023 г. и ошеломляющей реакцией Израиля. “Аль-Каида” начала кампанию за влияние на настроения мусульман и формирование этих настроений, направленных против Израиля, его союзников и друзей [20]. Возглавивший созданную Усамой бен Ладеном сеть после ликвидации ее лидера А. Аз-Завахири “амир” Саиф аль-Адель использовал события в Газе и для того, чтобы подвергнуть нападкам власти мусульманских стран за то, что они не нанесли удар по Израилю, назвав их неучастие “отговорками, используемыми бездельниками, которые не совершают джихад и которые открывают дверь позора для исламских и арабских правительств”. Глава “Аль-Каиды” осудил и лидеров арабских стран за то, что они размещают на своей территории американские базы и не помогают Газе [20].

Таким образом, есть все основания предполагать, что, оставаясь в стороне от непосредственной вовлеченности в ближневосточный конфликт, и ИГ, и “Аль-Каида” будут активно использовать любое обострение в таких “горячих точках”, как сектор Газа, для продвижения своих интересов и привлечения новых сторонников в местах, расположенных далеко от Ближнего Востока.

В этой связи обращает на себя тревожное внимание, в частности, появление фактически новой программы использования реальности, сложившейся во всем мире после 7 октября 2023 г., – ее автором стал лидер “Аль-Каиды” Саиф аль-Адель, призывающий последователей воспользоваться призывом на военную службу в своих странах. Главарь террористической сети описывает это как “замечательную возможность” для обучения пользования различными системами оружия, специализации в важных военных дисциплинах и получения разведданных о силах “противника” [3].

Саиф аль-Адель призвал наносить удары по политическим институтам, экономическим интересам, военным базам, военному персоналу и разведывательным ресурсам противника, будь то в странах с мусульманским большинством или на Западе. По мнению главаря “Аль-Каиды”, такие усилия помогут “ослепить противника” и уравновесить превосходство Запада в воздухе, если “Аль-Каида” будет проводить операции против военного персонала (например, операторов беспилотных летательных аппаратов и техников) и инфраструктуры (например, складов боеприпасов и оперативных помещений) [3].

Еще одним направлением подрывной деятельности Саиф аль-Адель называет экономический саботаж и бойкот “всех западных товаров” с целью подорвать позиции Израиля и “вражеских” арабских правительств, которые он считает причастными к войне в Газе. Не менее важно обратить внимание и на призыв лидера “Аль-Каиды” расширять сотрудничество и обмен знаниями между джихадистами по всему миру [3].

Через год после событий 7 октября американский исследователь А. Зелин отмечал, что, хотя у “Аль-Каиды” по-прежнему больше не наблюдается значительной аудитории боевиков-джихадистов на Западе и спустя год после начала войны в Газе мало кто прислушивается к ее призывам о новой волне нападений там, посылаемые ею сигналы указывают на более долгосрочный план (все больше иностранных боевиков отправляется в Афганистан, а затем возвращается в свои страны с новыми террористическими навыками) [3]. И если война на Ближнем Востоке продолжит расширяться, то могут возникнуть предпосылки для новых терактов, осуществленных силами как ИГ, так и “Аль-Каиды”. Более того, ослабление в результате военного противостояния с Израилем региональных и национальных исламистских группировок (прежде всего ХАМАС), выступающих главным образом с локальной повесткой, способно создать условия для интенсивного проникновения в регион идей глобального джихада и усиления в таких местах, как сектор Газа, позиций транснациональных сетей типа ИГ или “Аль-Каиды”.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переключение внимания мирового сообщества с борьбы против джихадистских транснациональных сетей на представляющееся более актуальным противостояние по линиям Запад–Россия, Запад–Китай и др. усиливает риски того, что адепты крайних форм экстремистского исламизма обретут второе дыхание.

Как отмечает исследователь Б. Мендельсон, “в то время как транснациональные группировки джихадистов приходят в упадок, джихадизм никуда не девается”, его питают такие факторы, как недовольство властями, привлекательность религиозной идеологии, превратно понимаемые представления о лучшей жизни и т. д. [1, р. 1]. Иными словами, до тех пор, пока сохраняются причины, способствующие росту религиозно мотивированного экстремизма и терроризма, глобальные джихадистские сети будут продолжать существовать, умело приспосабливаясь к меняющимся условиям и используя разнообразные формы гибридной войны (террористические акты, диверсионно-партизанскую деятельность, захват территории на более или менее длительные сроки, пропагандистскую войну, вербовочные мероприятия, подрыв общественного мира и т. д.). Нетрудно предположить, что и транснациональные исламистские террористические сети продолжат умело сочетать свои глобальные амбиции с сугубо локальной повесткой, что представляет опасность для ряда конкретных регионов, число которых, как показывают события последних лет, может увеличиваться. И не менее тревожным признаком служит умение адептов “глобального джихада” использовать в своих целях (и оперативно-тактических, и пропагандистских) международные конфликты в различных частях света (от Украины до сектора Газа).

В этой связи остается актуальной антитеррористическая борьба и на национальном, и на международном (региональном и глобальном) уровнях. Это противостояние общей угрозе, которую для всего мира представляют террористические сети, должно включать кооперацию усилий всех игроков на мировой арене вне зависимости от их идейных и geopolитических установок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Mendelsohn B. On the Horizon: The Future of the Jihadi Movement. *CTC SENTINEL*, June/July 2018, vol. 11, iss. 6, pp. 1-9. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/on-the-horizon-the-future-of-the-jihadi-movement/> (accessed 12.08.2024).

2. Zelin A.Y. A Globally Integrated Islamic State. *War on the Rocks*, 15.07.2024. Available at: <https://warontherocks.com/2024/07/a-globally-integrated-islamic-state/> (accessed 12.08.2024).
3. Zelin A. The Gaza War Has Jump-Started a Weakened al-Qaeda. *The Washington Institute for New East Policy*, 04.10.2024. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/gaza-war-has-jump-started-weakened-al-qaeda> (accessed 13.10.2024).
4. Burke J. Gaza Conflict Could Fuel IS and al-Qaida Revival, Security Experts Warn. *The Guardian*, 19.07.2024. Available at: <https://www.theguardian.com/world/article/2024/jul/19/gaza-conflict-could-fuel-is-and-al-qaida-revival-security-experts-warn> (accessed 11.08.2024).
5. Bacon T., Doctor A.C., Warner J. A Global Strategy to Address the Islamic State in Africa. *International Center of Counter-terrorism*, 09.06.2022. Available at: <https://www.icct.nl/publication/global-strategy-address-islamic-state-africa> (accessed 13.10.2024).
6. McCary I.J. The Islamic State Five Years Later: Persistent Threats, U.S. Options. *Washington Institute for Near East Policy*, 21.03.2024. Available at: <https://www.state.gov/the-islamic-state-five-years-later-persistent-threats-u-s-options/> (accessed 11.08.2024).
7. Яшлавский А.Э. Исламистский терроризм в Африке в 2010–2020-е годы: основные тенденции и перспективы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2024, т. 68, № 4, сс. 66–76.
Yashlavskii A.E. Islamist Terrorism in Africa in the 2010–2020s: Main Trends and Prospects. *World Economy and International Relations*, 2024, vol. 68, no. 4, pp. 66–76. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-66-76>
8. Hamming T.R. The General Directorate of Provinces: Managing the Islamic State’s Global Network. *CTC SENTINEL*, July 2023, vol. 16, iss. 7, pp. 20-27. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/wp-content/uploads/2023/07/CTC-SENTINEL-072023.pdf> (accessed 04.09.2024).
9. Zelin A.Y. The Islamic State’s External Operations Are More Than Just ISKP. *The Washington Institute for New East Policy*, 26.07.2024. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/islamic-states-external-operations-are-more-just-iskp> (accessed 12.08.2024).
10. Яшлавский А.Э. “Хорасанский проект” ИГИЛ в Афганистане: новые вызовы и угрозы. *Мировая экономика и международные отношения*, 2023, т. 67, № 3, сс. 55–66.
Yashlavskii A.E. ISIS’s “Khorasan Project” in Afghanistan: New Challenges and Threats. *World Economy and International Relations*, 2023, vol. 67, no. 3, pp. 55–66. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-55-66>
11. Ahmadzai A. Islamic State-Khorasan’s Transition into a Transregional Threat. *The Diplomat*, 11.11.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/11/islamic-state-khorasans-transition-into-a-transregional-threat/> (accessed 10.09.2024).
12. Strachota K. Islamic State-Khorasan: Global Jihad’s New Front. *Center for Eastern Studies*, 29.03.2024. 6 p. Available at: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-03-29/islamic-state-khorasan-global-jihads-new-front> (accessed 10.09.2024).
13. Jadoon A., Sayed A., Webber L., Valle R. From Tajikistan to Moscow and Iran: Mapping the Local and Transnational Threat of Islamic State Khorasan. *CTC SENTINEL*, May 2024, vol. 17, iss. 5, pp. 1-12. Available at: <https://ctc.westpoint.edu/from-tajikistan-to-moscow-and-iran-mapping-the-local-and-transnational-threat-of-islamic-state-khorasan/> (accessed 28.10.2024).
14. Яшлавский А. “Афганский филиал” ИГИЛ как угроза Центральной Азии. *Россия и новые государства Евразии*, 2023, № III (LX), сс. 105–119.
Yashlavskii A. The “Afghan Branch” of ISIS as a Threat to Central Asia. *Russia and New States of Eurasia*, 2023, no. III (LX), pp. 105–119. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-3-105-119>
15. Botobekov U. Fratricidal Jihad: Assessing the Central Asian ISKP Attacks on Turkey. *The Diplomat*, 23.02.2024. Available at: <https://thediplomat.com/2024/02/fratricidal-jihad-assessing-the-central-asian-iskp-attacks-on-turkey/> (accessed 12.08.2024).
16. Колоколова Е.Э., Киреева К.Ф., Мок Вон Ли. Использование социальных сетей при вербовке террористов в странах СНГ. *Постсоветские исследования*, 2023, № 6 (6), сс. 651–662.
Kolokolova E.E., Kireeva K.F., Mok Won Lee. The Use of Social Networks in the Recruitment of Terrorists in the CIS Countries. *Post-Soviet Studies*, 2023, no. 6 (6), pp. 651–662. (In Russ.)
17. Цуканов Л.В. Перспективы возвращения группировки ИГИЛ к тактике “цифрового джихада”. *Восточный курьер*, 2023, № 1, сс. 158–169.
Tsukanov L.V. Prospects for the Return of the ISIS Terrorist Group to the Tactics of “Digital Jihad. *Oriental Courier*, 2023, no. 1, pp. 158–169. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.18254/S268684310025309-7>
18. El-Menawy A. Al-Qaeda, Daesh Keeping Their Distance from Gaza War. *Arab News*, 07.10.2024. Available at: <https://www.arabnews.com/node/2574277> (accessed 13.10.2024).

19. Truzman J. Al-Qaeda's General Command Lauds Attacks Against Jews, Commends Anti-Israel Protests on Western Campuses. *FDD's Long War Journal*, 28.05.2024. Available at: <https://www.fdd.org/analysis/2024/05/28/al-qaedas-general-command-lauds-attacks-against-jews-commends-anti-israel-protests-on-western-campuses/> (accessed 12.10.2024).
20. Gunaratna R. Al Qaeda's Stance in the Gaza War. *S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS)*, 22.02.2024. 4 p. Available at: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2024/02/CO24026.pdf> (accessed 13.10.2024).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Восемнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе. Совет Безопасности ООН, 23.02.2024. 17 с.
Eighteenth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. UN Security Council, 23.02.2024. 17 p. (In Russ.) Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/4037252?ln=ru&v=pdf> (accessed 06.10.2024).
2. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney, Institute for Economics & Peace, February 2024. 84 p. Available at: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf> (accessed 03.09.2024).
3. Пятнадцатый доклад Генерального секретаря об угрозе, которую ИГИЛ (ДАИШ) создает для международного мира и безопасности, и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в противодействии этой угрозе. Совет Безопасности ООН, 26.07.2022. 17 с.
Fifteenth Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. UN Security Council, 26.07.2022. 17 p. (In Russ.) Available at: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/430/80/pdf/n2243080.pdf> (accessed 06.10.2024).
4. В ФСБ рассказали, как вербовщики набирали исполнителей теракта в “Крокусе”. *РИА Новости*, 04.10.2024. The FSB Told How Recruiters Recruited the Perpetrators of the Terrorist Attack in Crocus. *RIA Novosti*, 04.10.2024. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20241004/krokus-1976309065.html> (accessed 13.10.2024).
5. Бортников назвал мигрантов-радикалов благоприятной средой для терроризма. *РИА Новости*, 04.10.2024. Bortnikov Called Radical Migrants a Favorable Environment for Terrorism. *RIA Novosti*, 04.10.2024. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20241004/migranty-1976313225.html> (accessed 13.10.2024).
6. В ФСБ рассказали о религиозной пропаганде террористов на Северном Кавказе. *РИА Новости*, 08.10.2024. The FSB Spoke about the Religious Propaganda of Terrorists in the North Caucasus. *RIA Novosti*, 08.10.2024. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20241008/bortnikov-1976960523.html> (accessed 13.10.2024).